

-Париж-

МИР ИСКУССТВА

«Русская мысль»

Опера как самостоятельный вид искусства празднует важный юбилей: 400 лет назад, в марте 1598 года, состоялось представление первой «драмы на музыку» — это была пастораль «Дафна» поэта Оттавио Ринуччини и композитора Якопо Перри. Произошло это во Флоренции, в кружке просвещенных гуманистов и интеллектуалов («Флорентийская камерата»), которые стремились возродить идеалы античного искусства. Они были убеждены, что хоры и монологи главных героев в трагедиях Софокла и Еврипида не проговаривались, а пелись или по крайней мере декламировались под музыку. В результате дальнейших исследований выяснилось, что это не вполне соответствовало действительности: музыка в древнегреческих спектаклях использовалась в основном для вставных интермедий и танцев. Однако в истории искусства заблуждения нередко приводили к удивительным результатам, и история оперы — яркий тому пример.

В этом году юбилейные торжества состоялись во флорентийском театре «Гольдони», по этому случаю заново отреставрированному. Выдающийся итальянский режиссер Лука Ронкони представил на суд зрителей необычную версию оперы Клаудио Монтеверди «Орфей» (1607). Надо думать, что композитор совсем не предполагал столь грандиозных зрелищных эффектов для своей лирической пасторали. События разворачивались не на сцене, а в специально переоборудованном партере, из которого были убраны все кресла; зрители же располагались в ложах и на балконе. В первой части все пространство занимал цветущий луг с настоящей травой, а затем партер полностью затопила вода и действие перенеслось в царство Аида, омываемое темными ледяными водами реки Стикс. Подобно тени скользила ладья Харона, перевоза Орфея к ложу бездыханной Эвридики. Режиссер тонко использовал эффекты причудливых отражений в воде и за-

темных зеркалах, создававших ощущение присутствия в подземном пространстве.

Исполнители главных ролей Чечилия Гасдия и Роберто Скальтрити порадовали отточенной пластикой, выразительным пением, доносившим смысл каждого слова («драма на музыку»!). Стилистичес-

ки безупречная игра старинных инструментов под управлением Рене Жакоба во многом способствовала успеху спектакля.

Следует добавить, что шедевр Монтеверди был возрожден отнюдь не в качестве любопытного музейного экспоната. Его гениальные прозрения — например, сцена Орфея с Вестницей, в которой герой догадывается о смерти Эвридики еще до произнесения страшных слов, — и сегодня можно с уверенностью причислить к высшим достижениям психологической музыкальной драмы.

Сцена из оперы Верди «Набукко».

Оригинальным сценическим решением была отмечена и постановка оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер» в неаполитанском театре «Сан-Карло». Ее осуществил знаменитый немецкий кинорежиссер Вернер Херцог. Грот Венеры выглядел так: из-за развевающихся по всей сцене

огненно-красных занавесей открывался грандиозный золоченый алтарь богини любви. Мир строгой добродетели, в котором пребывают Елизавета и рыцари-певцы, получил воплощение в белоснежных одеяниях и декорациях.

Одной из самых важных тем в творчестве Вагнера является воз-

вост и провинциальностью отличались их пенне и игра (за исключением болгарского контральто Марианны Пенгчевой в роли Венеры). Гармонии целого не возникло. Интересный замысел режиссера не нашел полноценного воплощения.

А вот в постановке «Хованщины», которую привез в «Ла Скала» Мариинский театр, получилась перекос в другую сторону. Здесь, наоборот,

программе обозначены А.Адабашьян и Ю.Лаптев. А ведь «Хованщина» принадлежит к той категории опер, где особо необходима четкая режиссерская концепция, пусть даже спорная (вспомним постановку 1995 года М.Ростроповича — Б.Покровского в Большом театре). Здесь так сложны характеры и взаимоотношения героев (нет ни одного второстепенного), так тонко дифференцированы народные группы, так неоднозначно обрисована сама историческая ситуация. Увы, зрители «Ла Скалы» об этих особенностях музыкальной драматургии Мусоргского думать не приходи-

ИТАЛИИ

лось; все зрелище слилось в какой-то вязкий ком, общую серую массу. Единственный выход: закрыть глаза и наслаждаться музыкой. И стоит ли ради этого идти в театр?

Сложное равновесие между музыкой и сценическим действием удалось, на мой взгляд, найти постановщикам оперы Верди «Набукко» в Римской Опере. Даниэль Орен дирижировал темпераментно, но с предельной точностью к мельчайшим нюансам партитуры. Режиссер Фабио Сарволли нашел верную пропорцию между условностью и реализмом, его мизансцены были просты и выразительны, прекрасно «читались». И все же подлинное наполнение этим мизансценам дали опытные певцы-актеры Лео Нуччи (Набукко), Гена Димитрова (Абигайль), Ферруччо Фурланетти (Захария), все обладатели уникальных по красоте и выразительности голосов. Для воплощения драматической коллизии им хватало порой скупого жеста, острого и точного взгляда. Наслаждаясь их высоким мастерством, я думал о том, как редко «жизнь человеческого духа» на сцене сочетается с настоящим бельканто. Но ведь именно ради этих мгновений и ходят в оперу.

АЛЕКСАНДР БРАГИН

Рим